

Д. Боккаччо

Ворон

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б78

Б78 **Боккаччо Д.**
Ворон / Д. Боккаччо – М.: Книга по Требованию, 2024. – 68 с.

ISBN 978-5-458-03787-7

«Ворон» это сатира, направленная против некой вдовушки, которая насмеялась над чувствами влюбленного в нее рассказчика. Но это уже не назидательный рассказ о мести молодого студюозуса полюбившейся ему вдовушке, которая не только отринула его притязания, но и жестоко посмеялась над ним (см. седьмую новеллу VIII дня «Декамерона»), а суровая инвектива против уловок и притворства женщин вообще. Книга довольно горькая, подсказанная внутренней неудовлетворенностью не только собственной Жизнью и поступками, но и своими писаниями (не исключая «Декамерона», особенно тех его новелл, которые были сочинены во славу женщин). Эта исповедальная горечь придала книге совершенно особый привкус, далекий от спокойной и уравновешенной атмосферы «Декамерона».

ISBN 978-5-458-03787-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024
© Д. Боккаччо, 2024

Джованни Боккаччо
Ворон

«Ворон или Лабиринт любви»

Когда человек умалчивает о дарованных ему благах и держит их втайне, не имея на то весомой причины, он, по моему разумению, проявляет себя неблагодарным и недостойным этих благ. О, сколь мерзок, сколь нежелателен для Господа нашего, сколь низок в глазах людских такой поступок, подобный злобному пламени, иссушающему родник милосердия! И дабы никому не повядно было упрекать меня за такое сокрытие, я вознамерился рассказать в этом скромном сочинении об особой милости, ниспосланной мне отнюдь не за мои заслуги, а по благоволению матери божьей, вымолившей на то согласие у спасителя. Сделав это, я не только уплачу хотя бы часть долга, но также, без сомнений, сумею принести пользу моим читателям. А потому смиренно молю того, кто вложил мне в уста нужные слова и одарил величайшими благами, как это будет видно из последующего, чтобы он просветил мой разум и направил мою руку, позволив мне тем самым написать нижеследующее, ибо это принесет величайшую честь и славу его святому имени и послужит на пользу и утешение тем, кому случится прочесть эти строки, а иного быть не должно ¹.

Однажды, немного дней тому назад, сидел я в своей одинокой келье, единственной свидетельнице моих слез, вздохов и сетований, погруженный, далеко не впервые, в размышления о превратностях плотской любви. Возвращаясь мыслями к тому, что уже миновало, обдумывая наедине с собой каждый свой поступок и каждое слово, понял я, сколь незаслуженно жестоко обошлась со мной та, кого я, безумец, избрал своей единственной госпожой, кого любил более самой жизни, кого почитал и ставил превыше всех. И когда мне ясно представились все обиды и оскорбления, нанесенные мне безо всякой моей вины, все во мне возмутилось и прежние вздохи, стелания и тихие слезы сменились горькими рыданиями. Охваченный глубокой скорбью, терзаясь то собственным безрассудством, то дерзкой жестокостью моей возлюбленной, я наконец пришел к заключению, что смерть менее страшна, нежели такая жизнь, и стал призывать ее в страстном желании умереть; долго и тщетно звал я, пока не понял, что она, беспощадная, бежит того, кто более всего к ней стремится, и решил, что силой заставлю ее увести меня из этого мира.

Но не успел я принять решение, как весь облился холодным потом и жалость к самому себе, а вместе с нею страх перед иной,

еще худшей жизнью, ожидающей меня после этого поступка, охватили меня с такой силой, что тотчас же разрушили и уничтожили намерение, казавшееся столь твердым. Тогда я еще горше прежнего стал плакать и рыдать, и ко мне опять вернула жажда смерти, изгнанная было страхом перед ней. И вновь я прогнал ее, и вновь заливался слезами до тех пор, пока среди этого смятения меня не озарила мысль, ниспосланная, должно быть, самим небом, и мой измученный разум, исполнившись состраданием, стал рассуждать так:

О глупец! К чему привело тебя неумение, или, вернее, нежелание мыслить? Или ты по слепоте своей винишь других в жестоком с тобой обращении, не видя, что сам повинен в своих жестоких муках? Эта женщина, которой ты, сам того не заметив, подарил свою свободу, закованную в цепи, стала, по твоим словам, злополучной и горестной причиной твоих печальных размышлений. Ошибаешься: в тебе самом, а не в ней причина твоих мук. Объясни, каким образом она заставила тебя полюбить ее. Объясни, какое оружие, какие законы, какую силу она применяла, чтобы заставить тебя плакать и стенать. Не можешь ты этого объяснить, потому что этого не было. Может быть, ты скажешь: «Она должна была полюбить меня, ибо знала, что я ее люблю; а раз она меня не полюбила, она стала причиной моей скорби. Вот как она довела меня до слез и мучений и продолжает мучить». Но этот довод ничего не стоит.

Что, если ты попросту ей не нравишься? Как можно полюбить того, кто не нравится? А следовательно, если ты полюбил особу, коей ты не нравишься, не она виновата в последующих твоих невзгодах, а только ты сам, ибо не сумел сделать правильный выбор. Итак, ты жалуешься, что тебя не любят, но причина этого в тебе самом. Зачем же винить другого, если сам причинил себе зло? Любой судья справедливо осудит тебя на суровую кару за то, что ты столь дурно обошелся с самим собой; но так как эта кара не послужит тебе утешением, а только прибавит страданий, незачем сейчас обращаться к правосудию.

Теперь разберемся, чем же ты так жестоко провинился перед собой? Человек совершает поступки либо на радость себе, либо на радость другим, либо на радость и себе, и другим, либо себе или другим на горе. Посмотрим, радость или горе принесли тебе поступки, совершенные тобой в ослеплении. Радости, без сомнения, не было, ибо останься ты доволен, ты бы сейчас не сетовал и не рыдал.

Остается узнать, было ли твое горе радостью или горем для других? Но других и в помине нет, кроме той, из-за кого ты страда-

ешь. Она же, несомненно, либо тебя любит, либо ненавидит, либо не чувствует ни того, ни другого. Ежели любит — твои страдания ее печалят и огорчают. А разве ты не знаешь, что, доставляя любимой печаль и огорчения, любви не добьешься и не удержишь, а только вызовешь отвращение и неприязнь? Непохоже, чтобы ты так дорожил любовью этой госпожи, как уверяешь, если с таким упорством поступаешь ей наперекор, да еще грозишься сделать кое-что и похуже.

Ежели она тебя ненавидит, а ты еще не окончательно обезумел, тебе следует откровенно признать, что осчастливишь ее, если повешишься как можно скорее. Или ты не видишь изо дня в день, как человек из ненависти к другому попирает законы божеские и человеческие и готов лишиться имущества и даже самой жизни, лишь бы растоптать ненавистного и стереть его с лица земли? И чем сильнее тот скорбит и печалится, тем больше веселье и ликование его врага.

Стало быть, ты плачешь, горюешь и сетуешь на счастье той, кто тебя ненавидит. А кто же, как не глупец, тот, кто радуется счастью своего врага? Ну, а если она не чувствует к тебе ни любви, ни ненависти и нет ей до тебя никакого дела, — кому тогда нужны твои слезы, вздохи и столь жгучие страдания? С таким же успехом ты мог бы взывать к балкам в потолке. Зачем же терзаться, зачем призывать смерть, которая тоже, по-видимому, невзлюбила тебя и не спешит на помощь? Видно, ты еще не познал всей сладости жизни, если сгоряча жаждешь расстаться с нею и не подумал, насколько вечные муки будут страшнее твоей сумасбродной любви; ибо любовные мучения, их сила, зависят от тебя самого и ты сможешь от них избавиться, как только решишься наконец стать мужчиной, а от вечных мук нет избавления.

Итак, прогони эту безумную жажду смерти, откажись от нее; не стремись лишиться в одночасье тою, чего еще не имел, заслужить вечную муку и тем самым осчастливить ту, кто тебя ненавидит. Постарайся дорожить жизнью и продлить ее, сколько возможно. Кто знает, доживешь ты или нет до того дня, когда твоя обидчица подаст тебе повод для смеха? Никто. Но одно ясно каждому — любая надежда на месть или иную отраду, доступную живому, отнимется у нас после смерти. Итак, живи, и если она, коварная, делает жизнь твою несносной и заставляет желать смерти, огорчи ее, в свою очередь, тем, что остался в живых!

Какие чудеса творит небесное утешение, когда нисходит в смертный разум! Мысль, посланная, как я думаю, милосерднейшим

отцом и светочем жизни нашей, рассеяла мрак, застилавший мой рассудок, вернула ему острое и верное зрение, и тогда предо мною со всей ясностью предстало мое заблуждение и я не только устыдился его, но даже, исполненный раскаяния, заплакал и беспощадно стал бранить себя, понимая, что я еще ничтожнее, нежели ранее полагал. Но когда высохли слезы презрения и жалости к себе, я решил расстаться с уединением, вредным для нездорового рассудка, и вышел из своей кельи с лицом настолько спокойным, насколько позволяло пережитое мною душевное смятение. После недолгих поисков нашел я общество, наиболее полезное для человека, обуемого страстями; как было исстари у нас заведено, мы собрались в приятнейшем для беседы месте и тотчас же принялись разумнейшим образом толковать о непостоянстве Фортуны и о глупцах, что бросаются в ее объятия, пылая желанием, и безрассудно уверяют ей все свои надежды, полагаясь на ее устойчивость. А затем перешли мы к извечным законам природы, к ее удивительному, достойному всяческого восхваления порядку, который тем реже вызывает наш восторг, чем чаще встречаем его в обычной жизни, сами того не замечая. После этого заговорили мы о законах божественных, из коих самая малая толика доступна пониманию мудрейших умов, настолько превышают они наш смертный разум. В таких возвышенных, прекрасных и благородных рассуждениях провели мы остаток дня; наступившая ночь вынудила нас прервать их, и я, насытившись пищей духовной, отогнав от себя и чуть ли не позабыв былую скорбь, спокойно вернулся к себе домой. Там вкусил я немного привычной пищи, а затем большую часть ночи припоминал сладость недавних бесед и с неизъяснимым наслаждением вновь и вновь мысленно возвращался к ним, пока наконец природа не взяла верх над приятными воспоминаниями, и я безмятежно уснул; и сои завладел моими чувствами тем сильнее, чем больше времени отняли у него отрадные мои мечтания.

И вот в то время как я крепко спал, враждебная Фортуна, не довольствуясь ударами, нанесенными мне наяву, вздумала терзать меня и во сне; и так как воображению, не подвластному сну, могут предстать любые видения, почудилось мне, что я иду по восхитительно красивой тропе, услаждающей зрение и остальные чувства более, чем все когда-либо виденное мною. Окружающая местность была мне незнакома, но меня это не тревожило, настолько хорошо там было. Право, чем дальше шел я вперед, тем больше радовался, ибо надежда подсказывала мне, что в конце пути меня ждет неизведанное доселе счастье. Я загорелся столь пылким желанием поско-

рее очутиться у цели, что не только ноги понесли меня бегом, но даже, мнилось, выросли за плечами быстролетные, чудом дарованные крылья, и я на них мчался все быстрее и быстрее, пока не увидел, что тропа изменила свой вид. Зеленые травы и бесчисленные цветы сменились тисовыми зарослями, крапивой, волчцами, чертополохом и тому подобными растениями; а обернувшись, я увидел, как мне вослед клубится туман, столь густой и темный, что вскоре ничего кругом не стало видно. Туман этот внезапно окутал меня, не только препятствуя дальнейшему полету, но и вовсе лишив меня надежды на обещанную усладу. Мне казалось, что я долго простоял неподвижный и растерянный, прежде чем решился наконец осмотреться и понять, где я нахожусь.

Тут туман стал редеть, а небо потемнело с наступлением ночи, и я понял, что полет занес меня в безлюдную пустошь, мрачную и суровую, заросшую дикими растениями, колючками и сучковатым кустарником, без тропы или дороги, окруженную крутыми и столь высокими горами, что, казалось, вершины их упираются в небо. Как ни смотрел я во все глаза, как ни напрягал свою мысль, я не мог попятить или догадаться, как я сюда попал и, что всего ужаснее, как я отсюда выберусь и вернусь в знакомые места. К тому же, куда бы я ни повернулся, со всех сторон неслись завывания, вопли и рыканье каких-то страшных зверей, коих, судя по виду местности, здесь водилось немало. Тут скорбь и страх в равной мере завладели душой моей; скорбь непрестанно нагоняла мне на глаза слезы, а на уста — вздохи и сетования. Страх мешал принять решение, к какой из гор направиться, дабы уйти из этой долины, ибо каждая из них, казалось, грозила смертью. Так стоял я, недвижим, без совета и помощи, не ожидая ничего, кроме смерти от голода или от клыков свирепого зверя, обливаясь слезами, среди колючего кустарника и иссохших растений и либо молчаливо сетовал па себя за то, что пустился в путь, не предвидя конца, либо взывал к помощи божьей.

И когда я совсем было утратил надежду и весь промок от слез, я увидел, как с той стороны, откуда над этой скорбной долиной восходит солнце, медленным шагом идет ко мне какой-то человек, один-одинешенек. Человек этот, как я разглядел, когда он подошел поближе, был рослым, смуглым и черноволосым, хотя годы частично и посеребрили его голову, ибо лет ему было на вид около шестидесяти или более того; был он сухощав и крепок, но чертами не очень приятен; на нем было длинное, просторное одеяние ярко-красного цвета, и, несмотря на сумрак, я заметил, что никогда столь яркий цвет не выходил из-под рук наших красильщиков. Человек этот, как

я уже сказал, медленно приближался, вселяя в меня и страх, и надежду. Страх вызывала мысль, что земля, где я очутился, принадлежит ему и он, негодуя на присутствие чужого, натравит на меня послушных ему зверей и велит растерзать меня в отместку за вторжение. Надежда же на спасение проистекала из того, что по мере его приближения мне открывалась кротость его лица; и чем больше я вглядывался в него, тем больше мне казалось, что я его уже видел, по не здесь, а в ином месте, и я говорил себе: «Должно быть, человеку этому знакомы здешние места и он укажет мне выход отсюда, а может быть, сам благосклонно проводит меня к этому выходу, если в нем теплится дух милосердия».

И пока я раздумывал таким образом, он, все еще безмолвствуя, приблизился ко мне настолько, что я окончательно рассмотрел его лицо и вспомнил, кто он таков и где я его видел; но тщетно напрягал память, дабы вспомнить, как его зовут, полагая, что если я, взывая к его милосердию и умоляя помочь, обращусь к нему по имени и тем самым покажу, что хорошо его знаю, я быстрее и вернее вызову у него желание исполнить мою просьбу.

Но в то время как я безуспешно силился вспомнить его имя, он приятным голосом назвал мое и добавил:

— Какая злая судьба, какой злой рок привел тебя в эту пустыню? Куда исчезла твоя прозорливость? Куда делась способность рассуждать? Ужели ты не видишь, если рассудок твой ясен, как прежде, что эта долина сулит смерть телу и, что того хуже, гибель духу? Зачем ты пришел? Как ты осмелился сюда явиться?

Услышав эти слова и поняв по выражению лица его, что он мне сочувствует, я не смог сладить с собой и ответить и проникся такой жалостью к себе, что снова зарыдал. Потом, когда эта жалость излилась в слезах, я собрался с духом и ответил слабым голосом и не без стыда:

— Думается мне, что обманчивый соблазн бранных радостей, который не раз сбивал с пути и толкал навстречу опасностям людей куда более рассудительных, чем я, привел меня сюда, не дав опомниться, и вот я стою в беспросветном мраке, охваченный непомерной скорбью и лишенный малейшей надежды. Но если Господь в милосердии своем позволил мне, недостойному, встретить тебя и если ты тот, кого я, мнится, уже много раз встречал в ином месте, и в тебе есть хоть капля человечности, то я заклинаю тебя любовью к нашей общей отчизне, а также именем создателя всего сущего — сжался надо мной и укажи, как мне выбраться из этой страшной долины; ибо я здесь вовсе обессилел и уже не знаю, жив я или мертв.

Он, как мне показалось, усмехнулся про себя, а затем молвил:

— По виду и словам твоим я тотчас же заключил бы, что ты потерял рассудок и не различаешь, жив ты или мертв, если бы уже не узнал об этом другим путем; будь ты в здравом уме, ты помнил бы, чьи очи озарили светом, как у вас говорится, тот путь, что казался столь прекрасным и привел тебя сюда; и, зная, чем были эти очи для меня, ты не осмелился бы умолять меня спасти тебе жизнь, а, напротив, завидев меня, бросился бы бежать, дабы не лишиться ее совсем. И будь я тем, кем был прежде, не помощь оказал бы я тебе, а напугал бы и прибил, ибо ты сделал все, чтобы это заслужить. Но с тех пор как я был отринут от вашей земной жизни, гнев мой сменился милосердием, и поэтому я не отвечу отказом на твою просьбу о помощи.

Я слушал его с величайшим вниманием, и когда он сказал: «Я был отринут от вашей земной жизни» — я внезапно понял, что он не тот, кем я его считал, а только тень его, и холодная дрожь пробежала меня до костей, а волосы стали дыбом; не в силах молвить слово, я только хотел бежать прочь, когда бы мог. Но как часто бывает во сие, когда чудится, что ты должен бежать, и ни за что не можешь пошевелиться, так случилось и со мной в моей грезе; казалось, ноги мои отнялись и я стою недвижим. Новый испуг был так силен, что я, наверное, проснулся бы, не будь мой сон столь удивительно крепок; и, скованный страхом, не зная, что сказать, что ответить, я не двигался с места. Дух, видя это, молвил с улыбкой:

— Оставь сомнения; говори со мной откровенно, доверься мне, и я выведу тебя отсель, ибо у меня нет злобы против тебя.

Речи его привели мне на память все, что могут сделать души усопших па благо человеку, и это вернуло мне былое спокойствие; я поднял голову и смиренно взмолился, чтобы он поскорее вывел меня отсюда, пока ничто не препятствует; но он сказал:

— Еще не наступило время исполнить твою просьбу; знай, что доступ в сию долину открыт всякому, кого влекут сюда сладострастие и безрассудство, но уйти отсюда нелегко, и для этого тебе потребуются и разум, и мужество; а обрести их можно лишь с помощью того, кто повелел мне сюда явиться.

Тогда я молвил:

— Если у нас еще есть время и мы не спешим уйти, я бы хотел, если позволишь, кое о чем спросить тебя.

Он благосклонно ответил:

— Спрашивай, что хочешь, а там и я возьмусь за расспросы, да и сам немало расскажу тебе.

И я, не медля, сказал ему:

— Два вопроса в равной мере беспокоят меня, и каждый хочется задать первым, а потому я задам оба сразу: прошу тебя, ответь, что это за долина, служит ли она тебе пристанищем или же просто никто, однажды попав сюда, уже не может ее покинуть; а затем открой мне, по чьему велению ты сюда явился, дабы оказать мне помощь.

Он ответил:

— По-разному называют эту местность, и каждое название ей подходит; одни зовут ее Лабиринтом любви, другие — Очарованным долом, кто — Свинарником Венеры, а кто — Юдолюю скорби и вздохов, и еще по-всякому, кто так, а кто этак, как кому придется по вкусу.

Она не является моим пристанищем, ибо смерть, навстречу коей ты стремишься, уже завладела мною и держит меня в узилище. По суровости своей оно не уступает этой долине, но зато не столь опасно, как она; и да будет тебе известно, что тот, кто по недомыслию попадет сюда, никогда не сможет уйти, пока свет небесный не придет ему на помощь; и тогда, как я говорил, потребуются ему и разум, и мужество.

Я сказал:

— О, молю тебя именем Господа, властного исполнить самые пылкие желания, ответь мне еще на один вопрос. Ты сказал, что обитаешь в каком-то месте, еще более суровом, нежели сия долина, но не столь опасном. Твои слова и собственная память подсказали мне, что ты уже не живешь в нашем мире. Где же ты пребываешь? Ужели ты навеки заключен туда, где нет надежд на искупление? Или находишься там, где надежда сулит тебе спасение, хотя бы отдаленное? Ежели ты заключен в той вечной темнице, то она, несомненно, страшнее этой долины; но как может она быть менее опасной? А если ты обретаешься там, где есть еще надежда на покой, что означают твои слова, будто там тяжелее, чем здесь?

— Я нахожусь, — ответил дух, — в том месте, где мне непременно будет ниспослано спасение. Вот потому оно менее опасно, чем эта долина, ибо того, кто тут согрешит, ожидает еще худшая участь, а это постоянно случается. И тот, кто упорствует в грехе, а таких немало, будет заключен в глухую темницу, куда свет небесный никогда не проливает благодати и милосердия, но вечно пылает неумолимым и жестоким возмездием, па горе и беду всем, кому дано это видеть и понять.

Нет сомнений, место моего пребывания, как я сказал, настолько мрачнее, нежели эта долина, что если бы радостная надежда на